

Что больше всего удивляет, когда смотришь на уцелевшие ансамбли русских средневековых монастырей? Наверное, контраст архитектурных пропорций. Монастырь прочно уходит своими корнями в землю, а его дух, зримо воплощенный в архитектуре башен, храмов и колоколни, возносится в Небо. Монастырь соединяет собой два Отечества каждого человека: земное и Небесное.

Красота наших обителей напоминает о давно утраченной гармонии. Мир средневекового русского монастыря был уничтожен еще в XVIII веке последовательно проведенными реформами. Указы Петра I запрещали постригать в монахи всех, кроме инвалидов и престарелых. Нарушивших этот запрет насильно расстригали и отправляли в солдаты. Монастыри обезлюдели, была прервана живая традиция духовной преемственности разных поколений. Указ о штатах 1764 года императрицы Екатерины II разделил все обители на три категории (штата), согласно которым они получали государственное жалованье. Монастырские же земли были конфискованы. Часть монастырей вывели за штат, они должны были изыскивать средства к существованию сами, не имея земли. Остальные обители (больше половины от прежнего числа) ликвидировали вовсе. Историкам еще предстоит оценить духовно-нравственные последствия этих реформ. Тогда Россия потеряла одну из своих опор, и, наверное, важнейшую, ибо монастыри всегда были,

по выражению святителя Филарета (Дроздова), столпом Православной веры. XX век довершил «реформы» поруганием святости. До наших дней, да и то кое-где, сохранились только стены былых обителей. Но какая жизнь протекала несколько веков назад внутри этих стен, что составляло душу и содержание этого видимого образа, мы почти не знаем.

Арсений Великий, поистине великий подвижник египетской пустыни, говорил, что душу человека сохраняет безмолвие. Настоящий монах как зеницу ока всегда хранил свой внутренний мир от постороннего любопытства и ненужного общения. Монастыри так же свято берегли свою тайну. Христианский закон странноприимства заставлял обители открывать свои ворота для голодного и страждущего мира. Но это было вынужденной уступкой, жертвой во имя любви к ближнему. Общение с миром, как правило, нарушало безмолвие, привносило суету и искушения в монастырскую жизнь. Поэтому монастырь, откликаясь на прошения и мольбы мира, все-таки всегда старался сохранить спасительную дистанцию. Странноприимницы и больницы устраивали обычно за монастырскими стенами, женщины и вовсе не допускались во многие обители. Старцы учили молодых монахов никогда не выносить сор из избы — не обсуждать с мирскими людьми монастырские дела и неустройства.

Намеренная отгороженность монастыря от мира делает его тайной за семью печатями, тем более если речь идет о средневековой обители, отстоящей от нас во времени на пять-шесть веков. Но существуют узкие щелевидные окна в стене между миром и монастырем. Это жития святых. Они позволяют нам не только рассмотреть повседневную жизнь обители, но и пропускают через толщу времен тот яркий духовный свет, который излучали первые «начальники» русских монастырей.

Жития — сложный источник. Перед любым исследователем, который принимается за их изучение, неизбежно встает вопрос достоверности сообщаемых агиографом сведений. Долгие годы в исторической литературе господствовало довольно скептическое отношение к житиям. Тон задал историк В. О. Ключевский, который был замечательным знатоком русской исто-

рии и агиографии. Но в данном случае его высокий авторитет в научном мире сыграл злую шутку. По сути, он вынес отрицательный приговор древнерусским житиям как историческому источнику. Исследователи в один голос заговорили, что почти все жития повторяют друг друга, ибо написаны в рамках жесткого канона, наполнены вымыслом, несуразностями и историческими ошибками.

И. Яхонтов, пересказывая потрясающие в своей реальности подробности из житий северных русских подвижников, тем не менее также вынес им отрицательный вердикт. Невысоко оценивал жития и Н. И. Серебрянский, автор замечательного исследования по истории псковского монашества. Однако самые вдохновенные страницы своего сочинения он написал на основе Жития святого Евфросина Псковского, а через несколько лет после выхода работы в свет издал и само Житие.

Но большинство житийных текстов до сих пор остаются неизданными. Некоторые из них, известные в единственном списке во времена В. О. Ключевского или неутомимого собирателя древнерусской житийной литературы Е. Е. Барсова, ныне утрачены, хотя, возможно, их когда-нибудь найдут на полках хранилищ. К счастью, современная наука осознала многолетнее заблуждение своих предшественников. Сейчас жития святых вновь стали интересны для исследователей. Следствием чего и стала эта книга — результат многолетней работы автора по изучению русской агиографии.

Для исследования повседневной жизни русских монахов мы намеренно выбирали простые «безыскусные» жития северных подвижников. И вот почему. Жития, составленные известными агиографами, написаны великолепным языком и прекрасно композиционно выстроены. Но они имеют один существенный недостаток для историка повседневности. Их авторы, как правило, хорошо знали житийную традицию и щедро украшали свои произведения сравнениями, а то и прямыми вставками из творений своих предшественников. Поэтому реальность порой бывает трудно отличить в них от прямого следования агиографическому канону. Жития, написанные скромными монастырскими писателями, наоборот, не так захватывают красотой слога и

глубиной рассуждений о смысле бытия. Их авторы одинаково буднично описывают и чудо, и простые реалии повседневной жизни, иной раз даже переступая границы дозволенного канонам. Их горизонт не простирается дальше стен их родной обители. Но это как раз то, что нам нужно.

Помимо драгоценных исторических свидетельств в житиях есть все, что мы так ценим в произведениях больших мастеров. Агиографы умели показать переплетение трагического и комического в человеческой жизни, столкновение героического, благородного характера с алчностью и подлостью. В житиях можно найти тонкий юмор и прекрасные пейзажные зарисовки. Но уникальное отличие жития от литературного произведения состоит в том, что любое житие несет на себе печать подлинности, а самая великая литература — это всегда вымысел.

Перечитывая жития, не перестаешь удивляться, как можно было не замечать восхитительной красоты, искренности, а главное — исторической реальности этих текстов. Видимо, стереотипы и дух времени иногда оказываются сильнее, нежели научное знание и интуиция.

В житиях действительно нередко встречаются ошибки и противоречия, но их трудно поставить в вину агиографам. Ведь порой они писали через много лет или столетий после преставления тех, о чьей жизни старались рассказать потомкам. Им приходилось сводить воедино отрывочные рассказы, передававшиеся в монастырях из уст в уста. Но нам дороги и эти, не всегда исчерпывающие повести, ибо «мертвая история пишет, а живая говорит».

Помимо житий для описания повседневной жизни русских монастырей были привлечены разнообразные документы из монастырских архивов: приходо-расходные книги и описи имущества. Бесценным источником являются также монастырские обиходники, в которых описан обиход (то есть обычная жизнь) обители. В келарских обиходниках мы находим подробные указания о трапезе на каждый день года, а в богослужебных обиходниках — порядок богослужения каждой праздничной службы. В своей работе мы использовали обиходники Кирилло-Белозерского, Иосифо-Воло-

коламского, Троице-Сергиева, Антониево-Сийского, Нило-Сорского монастырей. Картину дополнили монастырские грамоты и акты. Случалось и так, что текст официальной грамоты подтверждался каким-нибудь «чудом» из текста жития. В книге мы еще будем говорить об этих счастливых совпадениях.

Конечно, нельзя объять необъятного. На Руси были тысячи монастырей: больших и малых, великих и затерянных в лесной глуши. Безбрежное море документов встает перед исследователем этой темы. Но выборочный срез отдельных фактов — это тоже достоверный метод исследования, ибо они — составные элементы общей картины. Главные герои нашей книги — монахи общежительных монастырей, ибо именно эти обитатели, по словам святителя Филарета (Дроздова), составляли и составляют «столп монашества». Мы надеемся, что после этой книги далекий и малознакомый мир русского средневекового монастыря станет ближе и понятнее читателю, как ближе и понятнее он стал автору книги.

И в завершение — несколько замечаний о принципах изложения. Некоторые сложные и пространственные цитаты из древнерусских текстов даны в переводе на современный русский язык, чтобы облегчить их понимание. Все даты церковных праздников даны по старому стилю.

«МЕСТО СИЕ ЗЕЛО КРАСНО...»

Место для монастыря, как говорят жития, выбиралось не сразу и не вдруг. Подвижники долго ходили по лесам и болотам, пока, наконец, не обрели ту спасительную пустынь, где успокаивалась их душа. Часто выбор места сопровождался чудесными предзнаменованиями. Кто-нибудь из местных жителей или сами монахи слышали колокольный звон или ангельское пение на пустынной лесной поляне, а иногда необычный свет неведомо по каким причинам озарял небо над лесом. Особая Богоизбранность места, где был поставлен монастырь, сохранялась за ним навсегда. Видимо, поэтому люди, приезжая ныне в разоренные, а иногда и разрушенные до основания обители, продолжают чувствовать здесь особую благодать.

Преподобный Арсений Комельский тайно покинул Троице-Сергиев монастырь, где несколько лет был игуменом, и направил свой путь в вологодские земли. Однажды на берегу реки Кохтыш (в 25 верстах от Вологды) тяжелая ноша сама собой упала с его плеч. Усталый путник решил отдохнуть, а когда проснулся, увидел солнечный луч и блистающий свет над Кохтышем. Святой обрадовался такому ясному и чудесному указанию и встал на молитву. Потом он срубил крест в освящение месту и принялся сооружать келью.

Многие годы население тех земель, куда приходил подвижник, жило своей обычной жизнью: люди били зверя, ловили рыбу, спасались от голода и холода, и эта привычная жизнь была им близка и понятна. Но вот

среди их заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться. Необычная история, в которой тесно переплелись чудо и реалии повседневной жизни, предшествовала основанию обители преподобного Адриана Пошехонского. В начале сентября 1540 года из Корнилиево-Комельского монастыря ушли два старца: диакон Адриан и монах Леонид. Вечером 13 сентября они остановились на реке Ветхе между селами Белым и Патроболским. Утром 14 сентября — в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — старцы совершили утреню с великим славословием («катавасию всю и прочее правило церковное»), после чего они поставили на большой дуб образ Пречистой Богородицы, а сами пошли искать место, подходящее для строительства келий, а заодно и дорогу в близлежащие села.

Тем временем вниз по реке крестьяне из села Белого ловили рыбу. Когда они поднялись выше, как раз к тому дубу, где преподобные оставили икону, то поймали две большие щуки, каких никто в этих местах ни прежде, ни потом не ловил. Пока все обсуждали такую невероятную удачу, один из рыбаков решил выйти на берег и тут на дереве увидел икону. От неожиданности рыбак стал громко звать «свою дружину». А те, думая, что их товарищ обнаружил зверя, быстро примчались к нему. Однако увидели не зверя, а икону. Удивлению рыбаков не было предела, все живо обсуждали, откуда в этих непроходимых лесах взялась икона. Некоторые предположили, что, видимо, кто-то из крестьян хочет занять это место. Тогда рыбак, обнаруживший икону, подойдя к дереву, стал хвалиться, что сейчас он ее снимет и унесет домой, но неведомая сила отшвырнула его на десять локтей от дерева. Товарищи же, обступив его, сказали: «Напрасно, брат, ты сотворил это непотребное дело». Он же словно онемел и не отвечал им. Тогда испуганные рыбаки, взяв его за руки и ноги, стали трясти, говоря: «Пробудись, брат!» Через некоторое время их дерзкий товарищ очнулся и рассказал, что ему явился неведомый старец и запретил брать образ Пречистой. Пораженные чудом рыбаки оставили под иконой пшеничный хлеб и большую рыбу, а сами ушли восвояси.

Вскоре возвратились старцы Леонид и Адриан. Леонид подошел к дубу первым и стал тихим голосом звать:

«Адриан, Адриан, подойди сюда и посмотри. Послала нам Богородица хлеб и рыбу!»¹ Старец Адриан, подойдя к дереву, воздел руки к небу и произнес молитвы, которые всегда читают при совершении монастырского чина Панагии, завершающего трапезу: «О велико имя Пречистой Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам, нищим рабам!» Не переставая удивляться, преподобный Адриан обратился к Богородице с благодарственной молитвой: «Мы, рабы твои, искали в этом диком лесу “высочайшего места” (избранного свыше. — *Е. Р.*), где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав свой хлеб и рыбу».

После такой молитвы преподобные отцы воспели всю катавасию Богородице (ирмос, который поется в конце песен канона всеми сообща): «Преукрашенна Божию славою» и приступили к чудесной трапезе, после чего начали строить кельи². Так возник монастырь преподобного Адриана Пошехонского. Преподобный, не знавший тогда всей предыстории появления хлеба и рыбы под иконой, был несомненно прав, оценив это как чудо. При всей своей бытовой реальности история носила явно чудесный характер. Белосельцы, как показала жизнь, имели довольно жестокий и корыстный характер (в конце концов они и убили преподобного Адриана, о чем речь пойдет ниже); должно было произойти что-то невероятное, чтобы они не только не похитили икону, а еще оставили под ней дары для незнакомых пришельцев.

Получив твердое уверение в особой Богоизбранности места, подвижники под страхом смерти не хотели его покидать и были готовы к любым трудностям. Местность, где стоял монастырь преподобного Евфросина Псковского, с практической стороны была крайне неудобна для строительства обители. Река, разделявшаяся здесь на рукава, с двух сторон теснила монастырь. Поэтому, когда умножилось число братии, строить новые кельи оказалось негде. Иноки часто говорили преподобному, чтобы он поискал более подходящее место, но преподобный всякий раз отказывался. Когда теснота стала невыносимой, преподобный Евфросин предложил братии срыть холм, на котором стоял монастырь, и засыпать этой землей один из рукавов реки. «И было

слово святого великим делом». Монахи на своих плечах носили корзины с землей и засыпали реку. «С тех пор, — говорит автор жития, — течет та река одним руслом, а другое русло стало сушей посреди обители»³.

Большинство русских обителей расположено в дивных по красоте местах. И это не случайно. За внешней суровостью подвижников скрывалось любящее сердце, тонко чувствующее красоту и гармонию окружающей природы и благодарящее за нее Творца. Преподобный Дионисий Глушицкий был суров к себе и братии, ночи он проводил без сна, днем непрестанно трудился, ел один раз в день хлеб с солью, а пил только воду, да и то в меру. На иконах запечатлен его характерный образ: аскетичное худое лицо, запавшие щеки, резко сдвинутые брови, пристальный взгляд из-под бровей. Таким же он предстает перед нами на страницах своего жития. Но вот несколько деталей, замечательно подчеркивающих тонкую красоту его души. Решив поселиться на реке Глушице, преподобный поставил себе келью под цветущей черемухой. Через некоторое время здесь возник Покровский монастырь. Тогда, желая полного уединения, преподобный Дионисий оставил обитель и за несколько поприщ от нее устроил себе безмолвную келью в необычайно красивом месте, которое потом назвали Сосновцом. Это был сосновый бор на высоком берегу реки, «место зело красно и превыше иных мест», — записал агиограф. Перед смертью преподобный завещал похоронить себя на Сосновце.

Берег Сиверского озера, где в 1397 году поселился преподобный Кирилл Белозерский, и по сей день захватывает своей красотой⁴. «Место сие мало и кругло, но очень красиво, всюду, словно стеной, окружено водами», — восхищенно заметил Пахомий Логофет, автор Жития преподобного Кирилла, который повидал на своем веку немало красот: был Пахомий родом из Сербии, монашество принял на Афоне, выполняя агиографические заказы, исходил всю Русскую землю — от Новгорода до Москвы, затем отправился дальше в Заволжье и посетил обитель святого Кирилла Белозерского⁵.

Сам характер природы, окружающей монастырь, может многое рассказать о его основателе. Преподобный Кирилл Белозерский пришел на берег Сиверского озера не один, а вместе со святым Ферапонтом. Но

через год Ферапонт покинул преподобного Кирилла, и Пахомий объясняет почему: «не согласовались их обычаи: Кирилл хотел жить тесно и жестко, Ферапонт же пространно и гладко»⁶. Что значат эти слова? Видимо, преподобному Кириллу была по душе величественная и суровая природа, окружавшая его. Святой хотел подвизаться уединенно, в стороне от людей, потому и выбрал «великий бор, чашу». А преподобный Ферапонт поселился на открытом живописном холме в окружении привольных полей и озер. Труды каждого из подвижников увенчались победой: их обители устояли в веках. Но какие они разные! Могучий и суровый Кириллов, радостный и живописный Ферапонтов. Тонкий художественный вкус не изменил преподобному Ферапонту и в глубокой старости, когда он, по желанию Можайского князя Андрея Дмитриевича, основал в окрестностях Можайска новый монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Лужецкий монастырь стоит на «гладком и просторном месте» и так же необыкновенно красив, как и Ферапонтов.

Красота природы, окружавшей обитель, облегчала подвижникам их трудный подвиг, служила им отрадой и утешением. Под горкой, где, словно снег, белели двенадцать берез, стояла келья преподобного Антония Сийского, который, смиряя свою плоть, отдавал тело на съедение комарам. Но сугубый подвиг несли те, кто отказывался даже от малого утешения — возможности наблюдать красоту лесных просторов, любоваться синей гладью реки или озера. В мрачном глухом лесу жил одиноким отшельником преподобный Никодим Кожеозерский. Зимой сильной вьюгой заносило его келью по самую крышу, а он жил под снегом, как в пещере, согреваясь молитвами и утоляя жажду снегом. Ничто, даже красота видимой природы, не отвлекало подвижника от безмолвия, созерцания, изучения Божественных писаний — единственного источника Богопознания.

«Место унылое и плачевное», но весьма душеполезное выбрал для себя преподобный Нил Сорский. «Среди... различных угодий, которыми изобильна здешняя светлая, счастливая природа, трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь», — записал русский историк С. Н. Шевырев, посетивший Сорский скит в 1847 году⁷.

Но такие подвиги уединения в безрадостной пустыни редки в истории русского монашества, они больше свойственны отшельникам и монахам скитов. Общежительные же монастыри почти всегда устраивались на открытых красивых возвышенностях, обязательно в окружении озер или рек, что имело не только свою несомненную хозяйственную целесообразность, но и глубокий символический смысл. В Евангелии пустынные безводные места представляются местопребыванием нечистых духов — бесов: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя» (*Лк. 11: 24; Мф. 12: 43*). Поэтому редкие подвижники могли жить в уединенных безводных пустынях, выдерживая здесь тяжелейшую борьбу с помыслами уныния и печали. У общежительного монастыря, более открытого миру, было другое призвание, чем у отшельника пустыни. Красотой своей архитектуры монастырь придавал гармонии природы высший Божественный смысл и, соединяясь с ней, являл миру горную, неотмирную красоту, становился зримым образом Царствия Небесного уже здесь, на земле.

«НАЧАЛЬНИКИ» ОБИТЕЛЕЙ

Основание монастыря в необжитом и безлюдном месте, в «дикой пустыни», всегда становилось настоящим подвигом. Весь риск неизведанности, непредвиденных случайностей, угрозы для жизни «начальники», то есть основатели, монастырей извели в той же мере, как и первооткрыватели неизвестных и далеких земель.

Авторы житий обычно избегают бытовых, житейских подробностей в рассказах о начале монастыря. Одно из немногих драгоценных свидетельств мы находим в автобиографической повести преподобного Мартирия Зеленецкого. Ради уединенной молитвы он ушел из обжитого монастыря в Великих Луках, где подвизался несколько лет. Вместе с ним на поиск спасительной пустыни отправился некий повар из той же обители, который не был монахом. Они покинули монастырь тайно, когда началась вечерня. Был канун праздника в честь Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных (8 ноября). В монастыре освящали новый храм во имя Архистратига Михаила, а преподобный Мартирий вместе со своим другом уходил все дальше от обители. За ночь беглецы прошли 60 поприщ (около 54 км). Всю ночь шел снег, и к утру его напало «в колено». Наконец преподобный Мартирий нашел пустынь, которая ему понравилась. Друзья захотели поставить здесь небольшую «хижину», но мох из-под снега достать было невозможно и мшить стены оказалось нечем. Пришлось выкопать в глинистом берегу реки

землянку и покрыть ее еловыми лапами. Через некоторое время преподобный Мартирий послал своего друга разыскать какое-нибудь селение, чтобы достать лопату. Но друг больше не вернулся к Мартирию, а только попросил некоего крестьянина отнести ему лопату. И преподобный Мартирий остался в своей землянке один.

Что реально означало жить в такой пещере, современному человеку трудно себе представить. В 1927 году русский писатель Б. К. Зайцев побывал на Афоне, где видел пещеру, в которой святой Петр Афонский провел целых 53 года в полном одиночестве. Ныне, заметил Зайцев, никто не живет в этой пещере из-за страшного холода зимой, а дерзающие замерзают и погибают¹. Вряд ли кто, наверное, сейчас смог бы жить также в пещерах преподобных Мартирия Зеленецкого, Кирилла Белозерского, Нила Столобенского и других «начальников» русских обителей. Даже тогда это было под силу далеко не всем. Из Жития преподобного Александра Ошевенского известно, что вместе с ним в каргопольские леса пришел некий брат, которого благословил игумен Кирилло-Белозерского монастыря в помощь Александру. Когда наступила зима, брат покинул преподобного, не вынеся такого «жесточкого пребывания» и «не имея никакого покоя» (никакого комфорта — сказали бы мы сейчас).

Нелегкой оказалась эта зима и для самого преподобного Александра. Видимо, поэтому свой рассказ о поселении преподобного на Каргополье автор Жития заканчивает замечательным гимном весне. Его радостное эмоциональное настроение вырывается за рамки обычно сдержанного житийного канона. Воспевая весну, средневековый писатель использовал цветистое Слово святого Григория Богослова на новую неделю и на весну². «Зимному же времени минувшу, весне убо наставше. Все же добрейши и краснейши бывает. Ныне небо светлейши, мгле отъемьшесе. Ныне мраку отшедшу, свету восиявшу. Ныне же ветри бурнии, быстродыхание движуще по воздуху, снеготучнии облацы раздирают и разнашают. И небеса прозрачнейши бывають. Ныне солнце на высоту восходит, и теплоту являет, и студень отгоняет, и ледове растають, и землю согревает. Ныне ж реки и источники быстро истекають, сильнейши изливаются, своих уз отрешившесе, и жажу (жажду. — *Е. Р.*) всяя земли напояють. Ныне земля радуется, тяготы

снежные избывшие. Веселит же ся, жажю своя наполняя, и сеяное в ней жито с прибытком возвращает и всякия овощи плодит, и сады, и траву растит, и цветы различныя украшает. Ныне деревья лиственные израцают и теми одеваются и красуются. И вся тварь обновляется и веселится. И всяко животно радуется и славит Создавшаго и прославляет Творца своего. Ветхая мимоидоша, и быша вся новая (2 Кор. 5: 17). И отголе цветяше место Христовою благодатию и молитвами преподобнаго отца Александра»³.

Три игумена сменилось на Соловках, прежде чем настоятелем стал преподобный Зосима. Его Житие рассказывает, что сначала новгородский архиепископ святитель Иона поставил сюда некоего Павла, потом Феодосия, однако оба покинули Соловки, не вынеся «пустынного жительство». Зима была серьезным испытанием для подвижника, она становилась еще одним аскетическим монашеским подвигом, в его специфически русском варианте.

«В противоположность впечатляющей красоте восточных пустынь или сирийских гор русская природа исполнена грусти и печали. Она не обещает отшельнику мистических наслаждений. Равномерная смена времен года, медленное умирание и неизменное возрождение природы призывают его к спокойной равномерной работе и терпению всех трудностей. Его делание — молитва, смирение, пост и отречение от мира — главное средство русского аскетизма. Возрождение природы от зимних оков аскет понимает как подобие собственного освобождения от грехов, как второе рождение для вечной жизни в Боге»⁴.

Но кроме нестерпимых морозов подвижников ожидали на новом месте лесные пожары, дикие звери, разбойники и «бесовские страхования». «Случилось однажды Павлу (Обнорскому. — *Е. Р.*) выйти из келлии и походить по пустыне; когда же он возвратился, увидел келлию свою разметанную до основания; страх человеческий внезапно объял его, и он бежал к преподобному Сергию (Нуромскому. — *Е. Р.*) рассказать свою печаль; но Сергей, более опытный в деле духовном, уразумел, что это только мечтание бесовское, и сказал Павлу псаломское слово: “Бог нам Прибежище и Сила (Пс. 45: 2), иди, брат мой Павел, ты обретишь келью свою неразрушенную”. Поверил духовному отцу своему отшельник

и, возвратясь, действительно нашел келлию неповрежденною»⁵.

Житие преподобного Кирилла Белозерского рассказывает, как преподобный, расчищая землю под огород, задумал сжечь хворост. Внезапно подул сильный ветер, вокруг стеной встало пламя, от дыма было ничего не видно, и он не знал, куда бежать. Только чудо спасло преподобного от «напрасной» смерти. В другой раз он ходил по лесу и так захотел спать, что не мог стоять на ногах. Побеждаемый сном, он лег на землю и уснул. Но вдруг услышал голос, настойчиво говоривший: «Беги, Кирилл!» Проснувшись, преподобный быстро отпрыгнул с того места прочь. И тут же большое дерево упало туда, где только что лежал святой.

Преподобный Никодим, пустынный Хозьюгский, однажды отправился за водой на реку. Вдруг на берегу он увидел лежавшую мертвую женщину в красном одеянии. Сотворив крестное знамение, преподобный ударил палкой по женщине, и оказалось, что это всего лишь гнилое бревно. Келья преподобного находилась на самом краю болота, неподалеку от реки Хозьюги, потому весной или во время сильных дождей святому Никодиму не раз приходилось спасаться от наводнения на крыше, но всякий раз вода отступала по его молитве.

Буквально несколькими штрихами автор Жития рисует нам непостижимую для обычного мирского человека картину жизни этого святого. Его келья была так мала, что в ней мог поместиться только один человек. Преподобный почти не спал. Когда же он изнемогал на молитве, то стоял, поддерживая себя веревками, обвязанными вокруг тела. В таком положении он и дремал, выполнив свое дневное молитвенное правило, и только иногда позволял себе присесть⁶.

Чем же питались русские подвижники? Из древних патериков известно, что египетские отшельники съедали лишь горсть фиников на закате солнца. Русский путешественник Василий Григорович-Барский, побывавший на Афоне в 1725—1726 и 1744 годах, подробно описал условия жизни святогорских иноков, в том числе и отшельников, живших одиноко в горах. На Афоне, писал он, круглый год растут съедобные каштаны, из которых даже можно выпекать хлеб. На Руси, где более полугода длится зима, нет афонских каштанов и еги-

петских фиников. Русские монахи корчевали лес и возделывали небольшие огороды под овощи. Какие?

В Житии Никодима Хозьюгского сказано, что он сеял репу и еще ловил рыбу «малой удицей» (небольшой удочкой). Первое время он принимал коровье молоко, которое ему посылали из монастыря по праздникам. Но потом отказался от употребления молока «воздержания своего ради». Прежде чем есть рыбу, преподобный всегда сначала выдерживал ее, пока она не покрывалась червями, чтобы не впасть в грех чревообъядения. Показательно упоминание репы в Житии Хозьюгского пустынника. В разные времена для крестьян северных губерний (Олонецкой, Архангельской) репа неизменно оставалась основным после хлеба и рыбы продуктом питания. Капуста здесь не росла, она практически не свертывалась в кочни, а горох вызревал очень мелкий. Даже репу сеяли обязательно на «палах» — выжженных участках леса. Только там эта неприхотливая культура давала хороший урожай⁷. Репу можно было варить, парить, печь, кроме того, из нее готовили репный квас, а листья и квасная репная опара шли на корм скоту. Как тут не вспомнить незатейливую народную «Сказку про репку», в которой, тем не менее, отразилась вековая мечта вырастить этот овощ таких необъятных размеров, чтобы накормить им и бабу, и деду, и внучку, и жучку — всех на свете.

В житиях есть свидетельства, что некоторые святые там, где позволяли природные условия, сами выращивали хлеб. Преподобный Александр Куштский, копая мотыгой землю, сеял яровой хлеб. А преподобный Симон Воломский, живший на реке Кичменге в устюжских лесах, в первый год своего поселения на Волмах ходил по окрестным селениям и просил семян на посевы овощей и зерна. Отшельником он прожил пять лет, питаясь скудными урожаями со своего поля и огорода⁸.

На Русском Севере также обязательно выращивали лук и чеснок как главное средство в борьбе с цингой. Даже в XIX веке эта смертоносная болезнь представляла собой реальную угрозу для иноков. Так, в конце 90-х годов XIX века восемь монахов из Артемиева Веркольского монастыря на реке Пинеге в Архангельской области попытались освоить новое место к северу от обители и создать там скит, но семеро из них умерли от цинги.

Некоторым подспорьем для подвижников были, конечно, грибы и ягоды, которыми изобилуют северные леса. Но хлеба всегда не хватало или не было вовсе. Поэтому подвижники часто голодали. Соловецкий остров славился как «добрый и благоугодный» для жизни монахов. На острове росли разнообразные ягоды, грибы, в озерах водилось множество рыбы. Но когда преподобный Зосима остался здесь зимовать без муки и масла, которые преподобный Герман не успел привезти с материка, он пережил сильный голод и чудом остался жив.

В Житии преподобного Герасима Болдинского рассказывается, что он, часто подолгу не имея куска хлеба, повесил при дороге «кошницу» (корзину), и прохожие опускали в нее хлеб — милостыню для святого. Также и нищие, шедшие этой дорогой, питались из кошницы преподобного Герасима.

Монахи, жившие не очень далеко от крестьянских поселений, обычно занимались каким-нибудь ремеслом и меняли свое рукоделие на хлеб и другие продукты. Мартирий Зеленецкий, живя в своей землянке, плел лапти из лыка («калиги лычны») и посылал их с неким крестьянином в село. Взамен жители того села отправляли подвижнику хлеб или другие продукты, а он за них молил Бога. Дионисий Глушицкий делал «спириды» (корзины), работал в кузнице и так питался от труда своих рук. А кроме того, преподобный еще писал иконы. По преданию, именно он написал прижизненный образ святого Кирилла Белозерского.

Обычно жития умалчивают о том, какие муки голода испытывали подвижники, обосновываясь на новом месте. В Житии Александра Свирского есть рассказ самого преподобного о годах своего отшельничества. Его сохранил боярский сын Андрей Завалишин. Он имел поместье на реке Свирь и любил здесь охотиться. Однажды во время охоты на оленя Завалишин углубился в чащу леса и увидел келью отшельника, так он познакомился с Александром Свирским. Подвижник рассказал ему, что уже семь лет живет в этой келье, не видя лица человеческого. Изумленный Андрей спросил его, чем же он питался все эти годы. Преподобный Александр ответил, что ел он «былие» (траву), росшее в лесу, которое смешивал с «перстью» (землей), хлеба же не имел никогда. На следующий вопрос Завалишина, как он мог

перенести такое, подвижник сказал, что сначала он сильно страдал «утробой» и сердечными болями, так что даже катался по земле. А потом посланный от Бога ангел исцелил его.

Что же за «былие» ели отшельники, чтобы выжить в наших северных лесах? Кирилл Новоезерский, по свидетельству его Жития, питался болотной травой «вахтой», сосновой корой и грибами⁹. Пустынники, жившие на Анзерском острове, употребляли в пищу «мох белый, квашеный с брусникою». Белый мох и корни «вахты» упоминаются в Повести об отшельнике Феофане, подвизавшемся на Анзере во второй половине XVIII — начале XIX века. Его ученик Климент делал хлебцы из смеси «вахты» и березовой коры, предварительно истолченной в муку¹⁰. Процесс приготовления пищи анзерского отшельника Андрея выглядел следующим образом. В его пещерке стояли четыре «сошки» (небольшие бревнышки), на которые были положены две доски. На этом импровизированном столе стояли два «корытца». В одном из них находилась вода, в другом подвижник вымачивал особую траву, которую ему показал некий «светообразный муж»¹¹. Этой травой пустынник Андрей питался 58 лет. Все эти сообщения житий и повестей можно было бы посчитать «топосами», устойчивыми образами, кочующими из жития в житие. Но есть и документальные свидетельства. Например, послание святителя Нектария (Теляшина), архиепископа Сибирского и Тобольского. Будущий святитель был сыном крестьянина патриаршей Осташковской слободы и еще в детстве поступил в Нило-Столобенскую обитель. Два года он обучался в монастыре грамоте и правилам иноческой жизни, потом принял постриг, стал иеромонахом, а затем и настоятелем монастыря. Но в 1636 году вопреки своему желанию игумен Нектарий был посвящен в архиерейский сан и возведен на Сибирскую кафедру. Через три года он попросил царя Михаила Феодоровича вернуть его в родной Нилов монастырь. В прошении он писал: «Како мне забыти труды и раны, и глад, и жажду, и наготу, и босоту? И до смерти мне надобно помнить: какова милость Божия надо мною грешным была в Пустыни, и что мы кушали: вместо хлеба траву папортъ и кислицу, ухлевник и дягиль, и дубовые желуди, и дятлевину, и с древес сосновых кору

отымали и сушили и, с рыбою смешав, вместе истолкши, а гладом не уморил нас Бог?»¹²

Замечателен подвиг и первого монаха Столобного острова — преподобного Нила. Он переправился на остров в 1527/28 году, перезимовал в пещере, а с наступлением весны построил келью и часовню. Питался преподобный желудями, травами и возделывал землю своими руками. Иногда принимал подавания от окрестных жителей. Проводя дни и ночи в трудах и молитвах, он не позволял себе присесть или прилечь даже на малое время. А при крайнем изнеможении стоял, опираясь руками на деревянные крючья, вбитые в стену его кельи.

Похожим было пребывание на Демьяне озере другого русского отшельника — святого Никандра Псковского. Он никогда не просил милостыни, питался только тем, что боголюбивые люди приносили сами, а недостаток в пище восполнял все тем же «былием и ужем»¹³. В беседе с диаконом Петром из Порхова преподобный Никандр однажды рассказал о своих страданиях: «Три года я болел («пренемогал») ногами, а теперь обрел отраду». Когда Петр посмотрел на ноги святого, то увидел, что кости его голеней почти обнажились, а мягкие ткани «отпадоша от ногу его»¹⁴.

Часто, когда обители были уже устроены, подвижники становились жертвами разбойничьих нападений. Причин, как правило, было несколько. Иногда сами святые селились среди разбойничьих «вертепов», чтобы отвратить разбойников от греха. Так обыкновенно поступал преподобный Герасим Болдинский. Он жил среди разбойников, которые грабили и убивали людей на дорогах. Разбойники избивали преподобного, связывали его и таскали по колючим кустарникам, бросали в воду, говоря при этом: «Уйди, монах, от места сего, а не то умрешь злою смертию».

Нередко разбойники нападали на монашеские поселения, думая, что найдут здесь множество богатств. В один из дней на одинокую келью святого Никандра Псковского напали грабители. Они забрали единственное богатство подвижника — иконы, а самого связали и сильно избили. Один из нападавших даже ударил его копьем. Возвращаясь назад со своей небольшой добычей, разбойники заблудились в лесу. Три дня и три ночи

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru